

Н.А. Лагошина**Южный федеральный университет,
344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация**

Ирландская идентичность в XVIII в.

Постоянная угроза иностранного вторжения в Ирландию способствовала возникновению чувства единства, основанного на особенности ирландского народа и противопоставлении себя образу «Другого». Английское правление в Ирландии, сопровождающееся ограничением религиозных практик и прав коренного населения, наступлением на традиционную культуру оказало влияние на формирование национальной идентичности ирландцев в Новое время. Взаимодействие потомков английских колонистов с представителями гэльской культуры привело к формированию идентичности особого типа, до сих пор неизученной в отечественной и зарубежной историографии. Целью исследования является изучение формирования ирландской идентичности в условиях изменений ирландского общества под влиянием уголовного законодательства и Акта об Унии 1800 г. Ключевое влияние на формирование ирландской идентичности оказало Уголовное законодательство, ограничивающее в правах ирландских католиков, которое привело к возникновению слоя «подпольных» джентри, сохранивших и воспроизводящих основы гэльской культуры в новых условиях. Являясь посредниками между английскими землевладельцами и ирландскими протестантами и пользуясь большим авторитетом в обществе, они повлияли на распространение традиционной культуры среди средних и низших слоев ирландского общества. Автор приходит к выводу, что идентичность в Ирландии была сформирована под влиянием католической религии и британского имперского правления, а также длительного взаимодействия представителей англосаксонской и гэльской культур.

Ключевые слова: Уголовные законы, ирландская идентичность, историческая память, история Ирландии XVIII в.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-39-90024 от 27.08.2019 г. (номер внутренней регистрации РФФИ 19-53-ИС).

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Лагошина Н.А. Ирланская идентичность в XVIII в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. С. 74–85. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-74-85

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-74-85

N.A. Lagoshina

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, 344082, Russian Federation

Irish identity in the 18th century

The constant threat of foreign invasion promoted a sense of unity based on the identity of the Irish people that was based on contrasting themselves with the image of “The other”. English rule in Ireland, accompanied by a restriction of religious practices and the rights of indigenous people, the attack on traditional culture, influenced the genesis of the Irish identity in the Modern Times. The interaction of the descendants of the English colonists with representatives of Gaelic culture led to the formation of a special type of identity, still unexplored in Russian and foreign historiography. The aim of the article is to investigate the genesis of the Irish identity under the conditions of modification in Irish society under the influence of the Penal laws and the Acts of Union 1800. A key influence on the formation of Irish identity was provided by the Criminal legislation restricting the rights of Irish Catholics, which led to the emergence of a layer of “underground” gentry, who preserved and reproduced the foundations of Gaelic culture in the new conditions. As intermediaries between English landowners and Irish Protestants, and enjoying great prestige in society, they influenced the spread of traditional culture among the middle and lower classes of Irish society. The author concludes that the identity in Ireland was formed under the influence of the Catholic religion and British imperial rule, as well as the long-term interaction of representatives of the Anglo-Saxon and Gaelic cultures.

Key words: Penal law, Irish identity, history Ireland of the 18th century, historical memory

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the RFBR grant No. 19-39-90024 dated August 27, 2019 (RFBR internal registration number 19-53-IS).

FOR CITATION: Lagoshina N.A. Irish identity in the 18th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 74–85. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-74-85

На протяжении XVIII в. Ирландия была глубоко разделенным обществом с большим неравенством между различными религиозными конфессиями и социальными группами. В Ирландии XVIII в. существовали две нации: протестанты, пользующиеся всеми привилегиями, и «подпольная нация», католики, исключенные из парламента, лишённые собственности и свободы вероисповедания, профессиональных возможностей и политических прав. В европейских обществах XVIII в. сохранялась тенденция дискриминации по признаку вероисповедания. Отличительной особенностью Ирландии было то, что протестанты представляли меньшинство, не больше четверти всего населения Ирландии. В течение большей части XVIII в. этому факту не придавали особого значения, поскольку в государствах Европы политические права были сосредоточены в руках землевладельческой элиты. Вопрос о численности католиков приобрел большие масштабы в конце столетия в связи с возникновением проблемы реформирования политической системы в более демократическом направлении.

Длительный период взаимодействия англичан с ирландцами, начало которому было положено в XII в., способствовал взаимопроникновению элементов культуры, способов хозяйствования, общественных норм и форм поведения. Британская религиозная идентичность, центральным аспектом которой было формирование образа католического врага, оказала влияние на ирландскую идентичность, зарождение которой началось в результате борьбы с протестантской властью в XVI в., в ходе которой у ирландских католиков появляется запрос на определение собственного «Я». Лишённые вследствие уголовного законодательства гражданских и политических прав, а также земельной собственности, ирландские католики, с одной стороны, использовали различные стратегии удержания власти и фамильных имений на родине, что способствовало объединению католиков острова и усилению их духовного единства, а с другой стороны, были вынуждены пересечь Ирландское море для получения юридического образования в метрополии. Тесное взаимодействие с англичанами и необходимость адаптации в лондонском обществе способствовали развитию стратегии лояльности и сглаживанию этно-культурных различий.

Несмотря на политическое противостояние между католиками, гордящимися своим происхождением и культурой, и неблагополучными

протестантами, не было столь глубокой пропасти в плане социальных ценностей. Лишившись земельной собственности и титулов, католики продолжали гордиться своими родословными, покровительствуя гэльским генеалогам. Более того, для католических эмигрантов благородная родословная была обязательным требованием для вступления в должность в европейских странах [20, р. 174–75]. Протестанты также стремились восстановить родословную, подтвердив статус «джентльменов» [21, р. 266–283]. Некоторые протестантские семьи покровительствовали тем же гэльским генеалогам, что и католики. В качестве примера можно привести Т. Уилкинсона, лорда-мэра Дублина, который стремился оформить свидетельство своей родословной накануне выгодного брака своего сына, приблизившись к Ч. Линегару, потомственному генеалогу и преподавателю ирландского языка в Тринити-колледже. Имея доступ к благородным родословным Англии, а также Ирландии Линегар проследил родословную Уилкинсона через английских дворян к Роберту, «лорду Инсбрукав Германии», получив одобрение заказчика [Там же, р. 375–376].

На протяжении XVIII в. существовало культурное разделение между носителями английского и ирландского языков. Ирландский язык находился под некоторым давлением из-за распространения большого количества книг и газет на английском языке. Несмотря на то, что значительная часть книг, издаваемых католическими печатниками, являлась религиозной литературой, тот факт, что эти издания печатались, в основном, на английском языке, способствовал «англизации» населения [20, р. 53–56].

Другим аспектом статуса элиты был кодекс чести. Разделение на тех, кто мог выдавать себя за «джентльменов», и тех, кто не имел благородного происхождения, было основано более на социальных, а не религиозных различиях. В Европе Нового времени благородство и бесчестье определяли репутацию человека, которая должна быть непоколебимой, в ином случае он не имел права являться частью социальной и политической элиты. Так, используя дуэльные практики, ирландская элита подтверждала свой привилегированный статус и свою особенность как социальной группы [13, р. 13–14, 127, 203–205]. Католики, напротив, были исключены из культуры дуэли, потому что с 1690-х гг. по 1793 г. им не разрешалось носить оружие. Тем не менее, некоторые католики были официально освобождены от данного запрета, а также не во всех частях государства строго соблюдались уголовные законы [Там же, р. 46–47, 242–247].

Отстаивая свои права управления страной, в первые десятилетия XVIII в. новый класс протестантских собственников поддерживал

перспективы союза с Великобританией [14, р. 236–263]. В протестантских определениях «ирландской нации» присутствовали аристократические и конфессиональные черты, и до конца столетия отсутствовало понимание того, что политические границы государства должны совпадать с культурно-этническими [18, р. 7–24]. Согласно исследованию К. Кидда, в XVIII в. происхождение или родословная были ключом к легитимации, а расовая или этническая принадлежность занимали второстепенное место, отведенное для образовательных учреждений и церкви [16]. В эпоху, когда библейское откровение было все еще доминирующей силой в интеллектуальной жизни общества, сохранялось убеждение в том, что все народы мира имеют общее происхождение, согласно Книге Бытия. Расовые различия не считались присущими от рождения, нежели отличия социальные. Расовый или этнический элитизм был связан с предположениями о том, как разные народы развивали институциональные ценности в церкви и государстве, которые ценились в XVIII в. [Там же, р. 9–11].

В Англии было широко распространено мнение о том, что северо-европейские «готические», или не римские народы, создали свободные институты власти, которые впоследствии стали жертвами деспотических королей или пап. Эти независимые учреждения сохранились лишь в нескольких странах, особенно в Англии. Гордящиеся своими «вольностями» англичане представляли собой наследие «готического» прошлого. Ирландские протестанты были склонны отождествлять себя с этим «воображаемым сообществом», подчеркивая свои связи со староанглийскими семьями в Ирландии, которые пользовались собственными парламентскими институтами и общим правом [Там же, р. 79–81, 250–255]. На древние права таких учреждений ссылались в любых конфликтах со столичной властью, о чем свидетельствует У. Молинье в своем протесте против попыток Англии ограничить экспортный потенциал ирландской шерстяной промышленности [19].

Идея независимой Ирландии, зародившаяся в начале XVIII в., по ряду причин получила значительное развитие в течение столетия. В XVII в. права ирландского парламента были расширены, что получило освещение в «Истории Ирландии» Д. Китинга в 1630-х гг. [15]. После 1662 г. ирландский парламент не проводил эффективной политики в отношении католиков, но некоторые протестанты, включая У. Молинье, Д. Свифта и Г. Граттана, добились сглаживаний религиозных разногласий, отбросив то, что было одним из ключевых атрибутов Ирландского королевства Китинга, – ирландский язык как признак идентичности, но в других отношениях они продолжали утверждать, что Ирландия обладает особыми правами. Это создало некоторую напряженность

в британском парламенте, который с 1720 г. прямо заявил о праве издавать законы для Ирландии. Права ирландского парламента были восстановлены в 1782–1783 гг. во время кризиса, вызванного Американской революцией, когда британское правительство признало, что только король, лорды и жители Ирландии имеют право принимать законы, обязательные для исполнения в Ирландии.

Ирландские протестанты в XVIII в. также идентифицировали себя с докельтскими народами [16, р. 81–82]. Одним из символов Ирландского королевства, который все более широко использовался после завоевания законодательной независимости, была «корона Милезии». Китинг описывал милезийцев как древних кельтских ирландцев, людей, питавших высокое уважение к религии и образованию, чьи короли были суверенными правителями [Там же, р. 176–177]. Первое печатное издание «Истории...» Китинга содержало фронтиспис, изображающий Бриана Бору, короля Манстера, объединившего все части Ирландского королевства под своей властью в начале XI в., носящего корону с характерным шипованным ободом. В 1782 г. в «Volunteers Journal» в качестве заголовка была изображена милезийская корона, увенчавшая ирландскую арфу, такая же корона часто появлялась на флагах «Добровольцев» [3, р. 111]. Данный символ также использовался в научных кругах. В конце 1780-х гг. обложке трудов Ирландской академии располагалась виньетка с изображением Ирландии и Британии с двух сторон щита, над которым возвышалась милезийская корона. Не следует полагать, что только протестанты просвещенного мировоззрения отождествляли себя с данным символом кельтского прошлого. На флагах и иных приспособлениях ирландской добровольческой армии, изначально состоявшей из протестантов [Там же, р. 60–72, 122], изображалась милезийская, а также округлая британская имперская корона [Там же, р. 111]. В конце 1790-х – начале 1800-х гг. в ирландском обществе были распространены поясные пластины и значки с изображением милезийской короны [Там же, р. 173]. В этих случаях корона Милезии, увенчавшая ирландскую арфу, изображалась под изогнутой имперской короной Британии.

Еще одним заимствованием из кельтского прошлого является образ Святого Патрика. В начале XVII в. архиепископ Армы Д. Ашер говорил о том, что церковь, основанная Патриком в V в. как библейская, не имела реального контакта с Римом. Иными словами, являлась протопротестантской церковью. В XVIII в. ирландские протестанты стали отождествлять себя с данной интерпретацией кельтской церкви, и с середины столетия образ Патрика использовался в качестве архетипического ирландца, олицетворяющего англо-ирландцев в их дебатах с правительством относительно расширения прав ирландского парламента.

Отождествляя себя с символами и образами кельтского прошлого, ирландские протестанты переняли многие черты кельтской культуры. Однако из этого не следует делать вывод о том, что они поддерживали католицизм, одобряли возврат к гэльской культуре или сближались с носителями этой культуры. Напротив, существует много доказательств того, что между протестантами и католиками сохранялись глубокие разногласия [16, р. 181]. С некоторых точек зрения идентичность ирландских протестантов также имеет сходства с английской провинциальной идентичностью [1, р. 61–75]. Она также вписывается в европейскую парадигму Старого порядка, иллюстрируемую, например, мадьярами, которые культурно и этнически отличались от большинства славянского населения, но считали себя составляющей венгерской нации; или жителями шотландского Лоуленда, которые с радостью переняли аспекты хайлендовской высокогорной культуры, сохраняя при этом презрительное отношение к горным шотландцам [16, р. 178–179]. Прослеживаются сходства идентичности ирландских протестантов с колониальными типами, характерными для испаноязычных колонистов, создававших креольские идентичности, переняв культурные особенности своих европейских предков и коренных народов Америки, покоренных их предками [Там же, р. 179–181].

В 1790-х гг. началось движение за идеи Ирландского королевства в республиканском, антимонархическом направлении [7, р. 135–150]. Республиканские идеи выражались в использовании «Объединенными ирландцами» символа арфы без милезийской или имперской короны. Кроме того, авторы некоторых исследований, появившихся в беспокойное десятилетие 1790-х гг., обратили внимание на продолжающийся интерес некоторых ведущих «Объединенных ирландцев» к преобразованию древней конституции, которая, в случае ее реформы в соответствии с предложениями Д. Юма, А. Смита и Э. Берка, могла преодолеть недостатки британского правления и открыть путь к более инклюзивному ирландскому обществу.

В то время как общественные деятели Ирландии обдумывали способы придания протестантско-католическим отношениям нового и более равного статуса, а также преобразования отношений с Великобританией, в ирландском обществе после отмены политических ограничений католиков, произошла обратная реакция, наиболее очевидным проявлением которой стала поляризация общества и учреждение «Оранжевого ордена» в 1793 г. [1, р. 8–9].

Несмотря на периодические аграрные крестьянские волнения на протяжении XVIII в., революционные настроения не получили дальнейшего

развития в ирландском обществе в связи с высокой лояльностью коренного населения, ободренного уступками католикам.

После того, как в мае-июне 1798 г. произошло восстание, а затем в августе – высадка французов, осенью британское правительство приняло решение о создании законодательной Унии, и ирландские депутаты парламента, будучи разделенными между собой, позволили данной мере обрести форму закона. Этот союз был представлен как решение ряда проблем Ирландии, прежде всего – католического вопроса и политических разногласий, которые завершились восстанием 1798 г. Ирландские протестанты, выступающие за объединение с Великобританией, надеялись, что станут частью подавляющего протестантского населения и, следовательно, будут готовы согласиться с предоставлением католикам полных политических прав вместо частичных прав, которые существовали до 1793 г.

Хотя Союз 1800 г. был призван отделить религию от ирландской политики, фактически Ирландия после Унии была более разделенной по религиозному признаку, чем прежде, и это отразилось на самом Союзе, который вскоре стал новой причиной разделения.

Угроза восстания низших слоев населения была высока вплоть до восстания Р. Эммета 1803 г. Однако победа контрреволюционных сил вызвала эмиграцию республиканцев, а части населения, не поддерживающего Унию, приходилось молчать в связи с возрастанием роли лоялизма в обществе. В ирландском обществе после 1800 г. можно обнаружить ряд тенденций, одной из них был растущий культ монархии. Несмотря на непопулярное начало правления Георга III в Великобритании и Ирландии в 1760–1770-х гг., в 1790-х гг. английский монарх и королевская семья стали центром антиреволюционной пропаганды и солидарности в обществе. Узвимость самого короля была ясно продемонстрирована во время его болезни в 1788 г., когда подробности его состояния широко освещались в прессе. В 1790-х гг. сдержанность и умеренность королевской семьи воспринимались как патриотизм во время войны, поэтому вызывали симпатию у среднего класса. Популярность британского монарха в кругах ирландского истеблишмента нашла свое отражение в энтузиазме, с которым отмечался золотой юбилей правления короля в 1809 г. Это событие привлекло внимание как протестантов, так и католиков [11, р. 275–278].

В ирландском обществе XIX в. возрос интерес к Британии и ее заморской империи, которая в ходе революционных и наполеоновских войн значительно выросла и стала занимать более важное место в стратегических и экономических планах правительства [8, р. 184–207].

В британских и ирландских газетах широко освещались подвиги вооруженных сил в разных частях света. В результате войн общество стало более милитаризованным, и как только в 1793 г. был снят официальный запрет на ношение оружия католиками, большая часть ирландских солдат, большинство из которых являлись католиками, были приняты на службу в британские войска. По оценкам ирландского историка Т. Бартлетта, с 1793 г. по 1815 г. около 200 тыс. ирландских новобранцев присоединились к британской армии и флоту, в дополнение к тем, кто служил в народном ополчении, состоящем преимущественно из католиков, и добровольческой армии, включающей, в основном, протестантов [2, р. 322–323]. Бартлетт предполагает, что милитаризация оказала заметное влияние на ирландское общество: большинство членов различных тайных обществ, которые процветали в первые десятилетия после Унии, имели военный опыт [3, р. 300].

Ирландская католическая церковь, возродившаяся после эпохи уголовного законодательства, стремилась утвердить свой авторитет в обществе [4, р. 83–84]. В некоторых районах, особенно в городах и в восточной части страны, активно внедрялись тридентские реформы. Священники все еще пытались привить своей пастве уважение к официальному катехизису, регулярное массовое посещение церквей и отучить их от различных популярных религиозных обрядов, которые не одобрялись в официальных кругах [5, р. 26–28]. Здания церквей, представляющие собой скромные общественные дома эпохи уголовного законодательства, сменили более крупные каменные постройки, украшенные часописями начала XIX в. Освободившись от необходимости приспособляться к смягчению уголовных законов с учетом чувств протестантов, католики решительно подтвердили преимущество римской природы католической церкви в Ирландии [11, р. 127–128].

Государство также сыграло определенную роль в усилении религиозной напряженности, поскольку отделения религии от политики, как предполагалось законодательной Унией, так и не произошло. Католическая церковь, вступившая в эпоху постэмансипации, не подлежала государственному контролю [2, р. 12–13]. Это не могло успокоить протестантов, в глазах которых католическая церковь выглядела все более монолитной и пугающей. Были высказаны жалобы на то, что эмансипация предоставляла католикам в парламенте право издавать законы для государственной церкви [17]. Для католиков ситуация выглядела иначе. Они были восстановлены в правах после длительной борьбы, и, хотя после 1829 г. формально их положение в обществе не отличалось от протестантов, наследием XVIII в. были сильные позиции протестантов

во многих сферах общественной жизни Ирландии: государственной службе, большом жури и городских корпорациях.

Особенностью мировоззрения ирландских католиков в начале XIX в., отличающей их от остальной Европы, было то, что они отождествляли себя не с консервативными или реакционными политическими партиями, а с либерализмом. Некоторые протестанты были достаточно щедры, чтобы поддерживать либеральные реформы, но большинство из них приняли сторону консерватизма [11, р. 345–354, 376–388].

Национальная идентичность в Ирландии была сформирована под влиянием католической религии и британского имперского правления. До установления английского политического контроля над островом, католичество в Ирландии представляло собой набор религиозных убеждений и опыта, объединяющих большинство населения острова, но религия не была связана с политической идентичностью. В раннее Новое время католицизм не объединял враждующие фракции и кланы, составляющие децентрализованное ирландское общество со времен Св. Патрика до прихода англо-норманнов. Однако попытка навязать иностранное правление и религию привела к формированию стратегии приспособления и лояльности ирландского католического населения, которая характеризовалась обращением католиков к гэльскому прошлому, включающему элементы независимого Ирландского государства и традиционные черты ирландской культуры, и сплочению населения вокруг католицизма. Длительный период проживания в иной культурно-этнической среде, а также взаимодействие с носителями англосаксонской и гэльской культур оказали влияние на формирование идентичности ирландских протестантов, потомков английских колонистов в Ирландии, перенявших культурные особенности англичан и ирландцев.

Основные тенденции развития ирландского общества после Унии, такие как англизация, милитаризация и развитие институциональных церквей, произошли до 1800 г. Поскольку протестантизм был определяющей характеристикой элиты XVIII в., ирландская политика в XIX в. имела сильную религиозную направленность, т.к. католики стремились реализовать на практике вновь обретенные юридические права, а протестанты защищали статус-кво. Тем не менее, Акт об Унии, упраздняющий ирландский парламент, имел решающее значение. К концу XVIII в. ирландская парламентская традиция оказала мощное влияние на ирландских конституционных националистов, и это гарантировало, что акт об Унии останется ключевым политическим вопросом в Ирландии XIX в.

Библиографический список / References

1. Barnard T. Athlone 1685; Limerick 1710: Religious riots or Charivaris? *Studia Hibernica*. 1993. Vol. 27. 1993. Pp. 61–75.
2. Bartlett T. The fall and rise of the Irish nation: The Catholic Question, 1690–1830. Dublin, 1992.
3. Blackstock A. An Ascendancy Army. Dublin, 1998.
4. Bowen D. The Protestant Crusade in Ireland, 1800–1870. Dublin; Montreal, 1978.
5. Corish P. The Catholic community in the seventeenth and eighteenth centuries. Dublin, 1981.
6. Cullen L. Catholics under the Penal laws. *Eighteenth-Century Ireland*. 1986. Vol. 1. Pp. 23–36.
7. Dickson D. Paine and Ireland. *The United Irishmen*. D. Dickson, D. Keogh, K. Whelan (eds.). Dublin, 1993. Pp. 135–150.
8. Duffy M. World Wide War and British Expansion, 1793–1815. *The Oxford History of the British Empire II: The Eighteenth Century*. P. Marshall (ed.). Oxford, 1998. Pp. 184–207.
9. Fagan P. An Irish Bishop in Penal Times: The chequered career of Sylvester Lloyd OEM, 1680–1747. Dublin; Portland, 1993.
10. Fagan P. Ireland in the Stuart papers. Dublin; Portland, 1995.
11. Hill J. From Patriots to Unionists: Dublin Civic Politics and Irish Protestant Patriotism, 1660–1840. Oxford, 1997.
12. Hill J. Popery and Protestantism, Civil and Religious Liberty: The disputed lessons of Irish history, 1690–1812. *Past and Present*. 1988. Vol. 118. Pp. 96–129.
13. Kelly J. That damn't thing called honour: Duelling in Ireland, 1570–1860. Cork, 1995.
14. Kelly J. The origins of the Act of Union. *Irish Historical Studies*. 1987. Vol. 25. Pp. 236–263.
15. Keating G. The general history of Ireland. Vol. 1. Dublin, 1841.
16. Kidd C. British identities before nationalism: Ethnicity and nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 1999.
17. Lefroy T. Report of the Speech Delivered ... at the Second General Meeting of the Brunswick Constitutional Club of Ireland. Dublin, 1829.
18. Leerssen J. Anglo-Irish patriotism and its European context. *Eighteenth-Century Ireland*. 1988. Vol. 3. Pp. 7–24.
19. Molyneux W. The Case of Ireland, Stated. Dublin, 1698.
20. O'Ciosain N. Print and popular culture in Ireland 1750–1850. Basingstoke, 1997.
21. Simms K. Charles Lynegar, the O'Luinin family and the study of seanchas. *A miracle of learning: Studies in manuscripts and Irish learning*. T. Barnard, D. O'Croinin, K. Simms (eds.). Aldershot, 1998. Pp. 266–283.

Статья поступила в редакцию 07.02.2020, принята к публикации 04.07.2020
The article was received on 07.02.2020, accepted for publication 04.07.2020

Сведения об авторе / About the author

Лагошина Наталия Анатольевна – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет; младший научный сотрудник кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Natalia A. Lagoshina – PhD Student of the Department of Foreign History and International Relations of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University; research scientist at the Department of Foreign History and International Relations of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: natallidalli@mail.ru